

Глава 12

Кто такой Ли-ван? Достаточно было одного его взгляда, чтобы у любого подкосились ноги от первобытного ужаса.

Лица Чжу Жуйхуна и госпожи Ху мгновенно побелели. Мачеха, и без того позабывшая о приличиях, почувствовала, как её колени слабеют, и буквально рухнула на землю, содрогаясь всем телом.

Министр Чжу тоже не смел подняться. Опустившись на колени, он изо всех сил старался унять дрожь в голосе, моля о пощаде:

— Прошу, ванье, смените гнев на милость! Это лишь плод моего дурного наставления. Моя никчёмная супруга глупа и невежественная, она нарушила этикет, но уверяю вас — у неё и в мыслях не было оскорбить ваше высочество. Молю о снисхождении!

Госпожа Ху, перепуганная до смерти и бледная как полотно, торопливо вторила ему:

— Прошу прощения, ванье! Виновата, виновата...

— Ваша покорная слуга вовсе не желала проявить неуважение, — запричитала она, заикаясь.
— Просто... просто увидев ванье и ванфэй вместе, я преисполнилась такой радости, что на миг лишилась рассудка и забыла о рамках дозволенного...

— Супруга министра так обрадовалась, завидев этого князя? — Жун Чжао скептически выгнул бровь. — Что ж, в таком случае дары на возвращение, которые я привёз, наверняка придутся вам по душе.

— Раз так, пусть эти подношения отныне и впредь стоят в спальне госпожи, — ледяным тоном распорядился князь. — Пусть матушка моего ванфэй радуется им изо дня в день.

Чжу Жуйхун и его супруга замерли, охваченные недобрим предчувствием. И когда «дары на возвращение» наконец внесли и выставили напоказ, у мачехи едва не потемнело в глазах.

Помня о щедрых свадебных подарках, госпожа Ху надеялась, что и сегодня Жун Чжао не поскупится, чем поможет покрыть расходы на приданое Чжу Цзылина.

Однако то, что предстало её взору, хоть и было ценным, внушало лишь ужас. Скульптура изображала воина в полных доспехах, сжимающего меч. Его лицо застыло в гримасе ярости, очи гневно сверкали — истинный облик свирепого асуры. Если бы не характерное княжеское облачение, статую легко можно было бы принять за изваяние Яньло-вана, владыки преисподней.

От статуи исходила такая мощная, подавляющая аура, что женщина невольно отпрянула, несмотря на яркий дневной свет. Впрочем, осознав, что это золотое изваяние самого Жун Чжао, она решила, что лучше бы это был настоящий демон. Бесам и духам люди хотя бы иногда возносят молитвы и ставят алтари в домах. Но Ли-ван?

«Видано ли, чтобы кто-то добровольно приютил у себя «звезду бедствий»?»

Стоило мачехе представить, что эта махина будет стоять в её спальне, как ей захотелось бежать из дома. Казалось, даже находиться в одном дворе с таким предметом — уже навлекать на себя беду.

Лицо госпожи Ху исказилось, а Чжу Цзылин, услышав слова супруга, не сдержал смешка. Идея пришлась ему по вкусу, и он тут же подхватил:

— Это ведь золотая статуя ванъе, отлитая по особому указу императора! Уникальное сокровище, единственное во всей Великой Ци. Она почти целиком состоит из чистого золота — одно только сырьё стоит десятки тысяч лянов.

— Ванъе не хотел отдавать её, но я его очень долго упрашивал.

— Сперва я боялся, что изваяние поставят в кабинете отца и госпожа не сможет любоваться им постоянно. Но теперь, когда оно будет принадлежать лишь вам, я даже немного завидую.

Чжу Цзылин и не думал скрывать своего злорадства.

— Пусть черты лица не слишком точны, зато дух передан безупречно. Учитывая все великие подвиги и заслуги ванъе, эта статуя наверняка станет лучшим оберегом от всякой скверны. Теперь госпожа сможет спать спокойно каждую ночь, и никакие кошмары её не побеспокоят.

Мачеха ясно видела, что пасынок издевается над ней, и её разрывало от ярости и страха. Однако, пока Жун Чжао стоял рядом, ей приходилось давить в себе гнев. Натянув на лицо маску восторженной благодарности, она пролепетала:

— Ваша слуга безмерно тронута милостью ванъе. Однако... это ведь изображение самого вашего высочества. Дар столь велик, что я не смею принять его. К тому же ставить подобную святыню в спальне... не совсем соответствует этикету...

Жун Чжао одарил её ледяным взглядом:

— Неужели мои слова противоречат этикету?

От этого взора на лбу госпожи Ху выступил холодный пот. Чжу Жуйхун, не давая жене и рта

раскрыть, поспешно ударил челом оземь:

— Прошу, ванье, смените гнев на милость! Ваше предложение мудро и заботливо, в нём нет изъяна. Просто моя супруга, будучи женщиной недалёкой, привыкла во всём сомневаться. Я немедленно распоряжусь, чтобы статую перенесли в её покои.

Министр Чжу всегда кичился своей честностью и независимостью. Однако стоило ему оказаться перед человеком вроде Жун Чжао, способным лишить его жизни без лишних слов, как вся его спесь мгновенно улетучилась. Впрочем, возможно, он так легко согласился лишь потому, что статую ставили в комнату жены, а не в его кабинет. Избавив себя от созерцания лика «звезды бедствий», хозяин дома почувствовал облегчение.

Видя, что участь её решена и муж даже не пытается вступитья, госпожа Ху совсем пала духом. Но тут Чжу Цзылин снова подал голос:

— Пожалуй, это и впрямь не совсем по правилам.

Супруги замерли, с недоумением уставившись на юношу. Только что он подливал масла в огонь, а теперь вдруг решил проявить сострадание? Жун Чжао лишь слегка повёл бровью, ожидая, какую ещё забаву придумает его ванфэй.

Чжу Цзылин невинно захлопал ресницами, и на его лице отразилось выражение глубочайшей искренности:

— Я как-то не подумал... Но теперь мне кажется, что в спальне госпожи статуе не место. Куда уместнее отдать её Чжу Цзычжэню.

— Госпожа так сильно любит своего сына, что наверняка с радостью уступит ему столь высокую честь. Так и желание ванье будет исполнено, и госпожа останется довольна.

— К тому же Чжу Цзычжэнь сейчас ни в науках не преуспел, ни в ратном деле. Ему полезно брать пример с ванье. Пусть смотрит на статую, вдохновляется и, может быть, хоть немного напитается аурой великого полководца, — юноша говорил на редкость проникновенно.

На этот раз мачеха не на шутку перепугалась. Чжу Цзычжэнь был её единственным сокровищем. Пасынок на словах перестал её трогать, но на деле вонзил нож прямо в сердце.

«Напитаться аурой Ли-вана?»

«Кто же не знал о судьбе Ли-вана, этой «Звезды бедствий», несущей гибель близким? Неужели Чжу Цзылин хочет, чтобы её сын тоже стал проклятием для собственной семьи и в итоге свел её в могилу?!»

— Нельзя! — выкрикнула она, теряя самообладание. — Золотая статуя ванье — подношение самого императора! Ставить её в покои младшего члена семьи — значит проявить крайнее неуважение. Лучше поместить её в главном зале, чтобы каждый входящий мог выразить почтение. Так будет достойнее всего.

Услышав это, Чжу Цзылин изобразил крайнее изумление:

— Надо же, когда это госпожа стала столь благоразумной? Раньше вы всё самое лучшее отдавали Чжу Цзычжэню. Даже мой замок долголетия, оставленный матерью, оказался у него в руках. Почему же теперь вы отказываетесь от столь драгоценного дара?

— Неужели вы считаете... что подношение ванье недостаточно хорошо?

От этих слов госпожа Ху буквально одеревенела. Этот мелкий мерзавец не только набрался смелости, но и стал на редкость острым на язык. Он вертел словами как хотел, прикрываясь величием своего грозного супруга.

Лицо Чжу Жуйхуна тоже потемнело от гнева. Он яростно сверкнул глазами на старшего сына. Совсем недавно тот обещал не помянуть старое, и только после этого министр согласился вернуть приданое его матери. Кто же знал, что сын окажется столь вероломным?

«Неужели он не понимает: если не станет его отца и этого поместья, как он удержится в доме князя?»

Министр попытался взять себя в руки, желая уладить дело до того, как Жун Чжао окончательно выйдет из себя. Перед лицом князя, чья аура была полна жажды крови, он терялся и паниковал.

Видя, как супруга испепеляет пасынка полным ненависти взглядом, Чжу Жуйхун уже открыл рот, чтобы вмешаться, но Жун Чжао нетерпеливо поморщился:

— Хватит болтовни.

Он одарил присутствующих холодным взглядом и обратился к чиновнику:

— Либо в покои вашей супруги, либо вашему второму сыну. Выбирайте.

Ощущая на себе ледяной взор князя, Чжу Жуйхун не посмел возразить. В итоге золотое изваяние отправилось в комнату Чжу Цзычжэня. Министру пришлось даже вызвать сына, чтобы тот лично поблагодарил Ли-вана за «милость».

Чжу Цзычжэнь явился с перекошенным от злости лицом. По его виду было ясно, что он готов

закатить истерику, но стоило ему столкнуться с мрачным взглядом Жун Чжао, как спесь мгновенно испарилась, а ноги стали ватными. Скрепя сердце, он отвесил земной поклон, не смея поднять глаз.

Глядя на этих двоих, с трудом сдерживающих ярость под гнетом страха, Чжу Цзылин окончательно убедился, что затея супруга была превосходной. Настроение его улучшилось, а вместе с ним и аппетит.

— В доме уже подают обед? — прямо спросил он.

— Разумеется. В честь вашего визита всё давно готово, — ответил Чжу Жуйхун и, получив молчаливое согласие князя, велел накрывать на стол.

***

Когда все уселись за стол, атмосфера оставалась натянутой. Стол ломился от яств, но Жун Чжао лишь брезгливо окинул их взглядом и не спешил братья за палочки. Раз он медлил, остальные тоже не смели прикоснуться к еде.

Лишь Чжу Цзылина это ничуть не беспокоило. Он невозмутимо подцепил кусок свинины «Дунпо» и отправил его в рот. Вкус был делом второстепенным — куда важнее было само наличие еды. Юноша принялся за трапезу с поразительной скоростью.

Остальные застыли в оцепенении. Министр с ужасом посмотрел на князя. Как он и ожидал, лицо того становилось всё мрачнее.

— Неужели это так вкусно? — ледяной, пробирающий до костей голос Жун Чжао заставил всех вздрогнуть.

«Ванье разгневан! — в панике подумал Чжу Жуйхун. — Если он в порыве ярости решит устроить здесь бойню, нам конец!»

Министр сорвался со стула и пал ниц:

— Прошу, ванье, смените гнев на милость!

Госпожа Ху и Чжу Цзычжэнь поспешно опустились на колени следом. Хозяин поместья яростно уставился на старшего сына:

— Негодяй! Тебе только бы чрево набить?! Ванье еще не коснулся еды, как ты смеешь вести себя столь дерзко?! Немедленно проси прощения!

Чжу Цзылин, сосредоточенно обгладывавший куриное крылышко, замер в недоумении. Жун Чжао же посмотрел на министра, а затем вновь перевел взор на супруга:

— Неужели ванфэй так соскучился по домашним блюдам, что находит кухню моего поместья недостаточно хорошей?

— А? Нет, что вы, — юноша растерянно моргнул. — Эта еда так себе, до вашей ей далеко.

— В таком случае, отчего же ты ешь с таким воодушевлением? — вкрадчиво спросил князь.

«Неужели он уже пожалел о замужестве и хочет вернуться?»

— Ну... грех не поесть на даровую-то... — пробормотал Чжу Цзылин и, сообразив, что Жун Чжао не притронется к местной стряпне, добавил: — Вам совсем не нравится? Тогда... может, я и вашу порцию съем?

Лицо Жун Чжао потемнело еще больше.

— Замолчи! — вскричал Чжу Жуйхун. — Хватит пререкаться! Положи палочки и немедленно падай на колени!

— В чем моя вина? — спокойно возразил юноша. — Это вы приготовили плохие блюда, поэтому ванье не хочет есть. Думаю, вам лучше и дальше стоять на коленях.

Министр едва не задохнулся от возмущения. Он снова ударил челом оземь:

— Ванье, молю о прощении! Этот никчемный мальчишка не ведает почтения к старшим и посмел оскорбить ваше высочество. Позвольте мне увести его и преподать урок.

С этими словами чиновник уже хотел кликнуть слуг, чтобы те схватили Чжу Цзылина. Юноша же повернулся к супругу и с искренним недоумением спросил:

— Разве я проявил к вам неуважение?

Взгляд Жун Чжао стал странным, а голос — ледяным:

— Неужели ты полагаешь, что вел себя достаточно почтительно?

— Ты еще смеешь спрашивать?! — закричал отец. — Раньше ты хотя бы соблюдал видимость приличий. Теперь же ты стал воплощением непочтительности! Взять его! Отвести в молельню и заставить стоять на коленях!

Едва слуги двинулись к юноше, как раздался звон бьющегося фарфора — князь легким щелчком пальца разбил чашу. В мгновение ока несколько человек рухнули на пол, хватаясь за раны, нанесенные острыми осколками.

— Разве я давал тебе слово? — Жун Чжао ледяным взглядом смерил министра. — Вы возглавляете Министерство ритуалов, но манеры вашей семьи оставляют желать лучшего. Разве в этом нет вашей ответственности?

Князь говорил медленно, поигрывая в пальцах осколком.

— Разумеется, чиновник Чжу волен наставлять своих близких. Однако... — он внезапно резко повернулся к собеседнику, и в его глазах вспыхнул злобный огонь. — Неужели ты решил, что вправе поучать моего ванфэй?

Чжу Жуйхуна пробил озноб. Ли-ван одним движением искалечил несколько человек, подтвердив свою репутацию свирепого тирана.

— Ваш покорный слуга преступил границы дозволенного... в порыве волнения я потерял голову. Молю ванье о прощении! — министр принялся иступленно бить челом.

В зале воцарилась гробовая тишина. И тут Чжу Цзылин снова громко хрустнул сочным побегом бамбука...

Жун Чжао обернулся и, увидев набитые едой щеки юноши, невольно дернул бровью.

— Хватит. Заканчивайте с этой трапезой, — бросил он Чжу Жуйхуну.

***

Двор Цзиньцин

Когда с формальностями было покончено, Чжу Цзылин заявил, что хочет забрать оставшиеся вещи. Жун Чжао последовал за супругом в его старый двор. Увидев скудное убранство и запущенность комнат, князь недовольно нахмурился.

Юноша же, казалось, ничего не замечал, велел слугам укладывать книги и безделушки в ящики. Жун Чжао какое-то время наблюдал за этой суетой, но вскоре шум ему наскучил. Он уже собирался выйти во двор, как вдруг краем глаза уловил некое движение. Мелькнувшая вещь показалась ему смутно знакомой.

Князь замер, пытаясь вспомнить, где видел это раньше. Спустя мгновение он резко обернулся, и его зрачки сузились от потрясения.

«Откуда это могло взяться у Чжу Цзылина?»

<http://bllate.org/book/15829/1428932>